

ЖУКА ЖУКОВА

Мамин монолог

Алло, да, Люсь. Вот сейчас слышу тебя хорошо.

Да, Славик вчера приводил. Ну как тебе сказать? Ничего такая, волосы в хвост наверху закручены, симпатичная женщинка. Снизу крупноватая, ну ты знаешь, о чем я. Сейчас Слава не замечает, но видно, что со временем поползет она.

А так очень хорошая, приятная. Цветы мне подарила, герберы, ты же знаешь, у меня аллергия.

Конечно, подешевле выбрала, но тоже понять можно, кому охота тратиться... тем более если надолго у нас в семье не задержится.

Правда, вина бутылку принесла. И ты знаешь, поглядывала я за ней, видимо, есть у нее предрасположенность, есть.

Славочка же за рулем, ей подливал, а она не отказывалась. Я плоточек всего сделала, остальное она. Ну что же, сама принесла, сама выпила.

А так очень хорошая. Аккуратная. После ужина посуду помогла сложить в посудомойку. Хотя, между нами, абы как накидала, побыстрее чтобы.

Ну они ушли, я переставила все как нужно. Конечно, ей ничего говорить не стала. Ты же меня знаешь, разве я могу?

Правда, в ванной, знаешь, там у меня аккуратно полотенце крахмаленное висит для красоты, так она руки вымыла и им вытирать стала. Ну тут уже Славонька ей, конечно, замечание сделал и показал, где у нас внизу поплоче висит. Он же знает, как маме тяжело гладить-крахмалить.

Как одета, да никак, штанишки в облипochку, молодчинка, не стесняется с такими ножками,

блузочка, шарфик пегий. А потом она, когда вина напилась, в жар ее, видно, бросило, она шарфик сняла, а блуза до пупа расстегнута. Вот не вру, Люсь, исподнее торчит.

Ну а что, по-твоему, Славичек на интеллект, что ли, ее запал? Да откуда там... Она бухгалтерша. Хорошая профессия, ты права — денежная, я ничего и не говорю, просто по ней и видно сразу — бухгалтерша. Я пыталась о литературе говорить, но там не тот уровень.

А так очень милая, приветливая. Знаешь, свининку я делаю по-французски. Так она мясо поковыряла, а шубу оставила. Я же вкусно делаю: маойнез, лучок, помидорки сверху, ну ты знаешь, сыр тертый.

А она говорит, «жирновато с майонезом». А Славка уплетал! Еще и добавку два раза просил. Наверное, дома его травой кормит, вот он у мамы отъедается, душу отводит. Жирновато ей! А у самой зад рыхлый.

А в общем, зря говорить не буду, девочка неплохая. «Девочка!» Сама понимаешь, ей уже под тридцать, конечно, торопится, время поджимает.

А Славика жалко... Но нет-нет, боже упаси, я не лезу...

Шахматист

У меня гостят два на редкость занудных товарища. Она психолог, а он адвокат. И у них пацан шестилетний — живой такой, на месте усидеть не может ни минуты и еще тараторит без остановки, гештальт у него ни на секунду не закрывается.

Видно, что родителям очень тяжело с ним, потому что мама все время морщится и трет виски, смотрит с мольбой на папу, «сделай же хоть ты что-нибудь...».

Пацан веселый, а у родителей с чувством юмора слабовато.

Мы вчера на природе пили пиво, и он в тубзик по-большому захотел. Мамаша снова за виски взялась, папа рассвирепел:

— Мы же только что из дома, почему ты там не сходил, как все нормальные люди. Нужно уметь контролировать свои потребности, ты ведь человек.

А я решила сопроводить парня, пока из него все дерьмо прямо тут не выбили.

Идем мы в придорожный биотуалет, он скачет на одной ножке и рассказывает, что ему ножик подарили, но папа его отобрал и в коробочку положил, и больше он терпеть не может и, по всей вероятности, не дойдет уже. Я его подбадриваю, как могу.

В итоге добегаем успешно. Я его пропихиваю без очереди, он внутрь прошмыгивает и начинает каждое свое действие комментировать:

— Вот штаны снимаю, вот уже-уже. Да точно, вот как раз. Сейчас выхожу. А нет, извините, еще тут что-то у меня. Ошибся малость, вы только подождите, без меня не уходите. Почему вы молчите, вы еще там?

В очереди смешки раздаются, я уже тоже еле держусь, но держусь. Мужики же не любят, если ржут, когда они обсираются.

Потом парень затихает и через пару секунд тоненьким голосом:

— Ой, я в дырку провалился, прямо в кашки. И застрял тут. Но вы не волнуйтесь, тут тепло.

Я в шоке, очередь катается. Я дверь дергаю, кричу, что спасу его, пусть он только не шеве-

лится, а то утонет, а что я потом родителям скажу. Короче, выходит пацан как ни в чем не бывало, в той же белой кофточке и шортиках:

— Шучу же я, расслабьтесь. Вы бы сейчас видели свое лицо.

И хохочет. Ну и я тоже. И все вместе с нами.

Потом идем обратно, я говорю:

— Ржачный ты парень, сейчас твоим расскажем, разрядим обстановку. А то сидят там на изящном пледике, как шомпол проглотили.

А он умоляюще:

— Только им ничего не говорите, мама сказала, что, если я еще хоть раз пошучу, они меня в шахматы отдадут с сентября.

Не найти себя

Вот, например, вы болеете. Или даже лучше — в коме. Но ничего серьезного — врачи сделали все возможное и вытащили вас с того света. Но вот только теперь у вас амнезия — ничего не помните.

Вы приходите в себя, врач сообщает, что вы поправитесь и все будет даже лучше, чем раньше.

И вдруг! В палату забегают радостный мужчина с хризантемой. Вы смотрите на него: лысоват, худой, но с пузиком, бородачка какая-то — не фонтан. Недоуменно смотрите на врача, а мужик кидается к вам:

— О боже мой, наконец-то!

Оказывается, это ваш муж, вы прожили вместе 19 лет. Он очень переживал за вас и сейчас будет помогать вам все-все вспоминать.

— Господи, ну неужели ничего?

Ты качаешь головой, пожимаешь плечами:

— А что я люблю?

— Ты? Готовить любишь. Борщ отличный делаешь, пампушки к нему печешь с чесноком.

Я? Борщ? Как-то вроде не вяжется со мной борщ...

— А еще? Я работаю?

— Да, конечно. Ты менеджер по продажам, в прошлом месяце была лучшим продавцом, тебе премию дали, Ирка твоя обзавидовалась. Неужели и этого не помнишь? Ты бытовую технику продаешь: утюги, электрические чайники, тостеры...

Я — тостеры? НЕТ! Ведь я же балерина.

Слава богу, его прерывают, дверь в палату открывается, и вбегают два жирных парня, они кидаются на тебя с криками:

— Мамка!

— Боря, Жорик! Мама очнулась!

И у тебя в этот момент много мыслей — ты ничего не чувствуешь, но, судя по «маме», это твои увальни, и еще — возможно, тебе нужно завязывать с пампушками... Тот, который Боря, выглядит дебиловато, а Жорик весь в прыщах.

— Дети, встаньте с матери, вы же ее раздавите.

Дети охотно вскакивают, достают из кармана по телефону и начинают резаться в «Майнкрафт».

«Спасибо... заботливый он у меня. Может быть, за это я его полюбила. Ведь за что-то же должна была».

— Ну хорошо, а что мы делаем вместе?

— Вместе? Ипотека у нас вместе...

«Теперь хоть понятно, зачем он меня так рьяно из комы вытаскивал...»

— А как мы проводим время? Где бываем?

— О! Сейчас точно вспомнишь! В пятницу после работы мы едем в «Ашан». Ну вспомни — сахарная вата для мальчиков? Ну? Сосиски «Клинические»? Нет? Ты еще очень обрадовалась, когда в магазине часы работы продлили. Иначе мы с тобой затариться не успевали. А в субботу с утра на дачу, ну? Ивантеевка наша? Семьдесят километров по Минке!

Кстати, сейчас будешь смеяться — сливы знаешь сколько! Еле с мамой урожай сняли. Я же тебе говорил — будет много, а ты — «опадет, опадет». Моя мама пироги мальчишкам пекла каждый день. Варенья закатали! У-У-Ух! Она скоро приедет — привезет, попробуешь. А да, Борю зачислили в гимназию, я все сделал, как ты сказала: конверт занес Марине Игоревне, приняли как миленькие! Хоть он все тесты завалил. Ольгу твою снова Димка поколотил. Ну она, правда, сама виновата...

Можно мне обратно?

Ничего из этого не я. Никого из этих людей я не знаю и не люблю.

И самое главное — в какой момент я перестала быть собой и впала в кому?

Мечта

У меня много идей, как и что можно улучшить. Вот, например, если взять и спросить у женщины, какого бы она хотела мужчину? Одна скажет — красивого, другая — умного, третья — богатого, жадная запросит все вместе плюс заботливого.

Чтобы вечером с работы пришла, а он тебе рад, и чай горячий с имбирем. А потом ты уютно у него в объятиях телевизор смотришь, и он еще плед подтыкает. А да, еще чтобы интересовался, как у тебя день прошел, и кивал, что босс — козел, и он бы его ушатал для тебя с удовольствием. Все об этом мечтают, только не знают, что это не главное.

Главное в мужчине, чтобы он растворялся, когда не нужен. Встретилась ты в баре с подругами, весело вам, «хей-хоп две маргариты», «а бармен очень даже ничего симпа», «ну что, девчонки, порвем танцпол!». Хорошо вам, и — нет

мужчины. И не звонит никто, эсэмэс не пишет, совесть не елозит по душе: как же он там один, догадался ли борщ подогреть или прям в холодный булкой тычет. Нету.

Или корпоратив на работе. В принципе, можно и с мужьями, но смысл тогда вообще ехать? А мужа и нету, след простыл. Растаял на время, может быть, даже к маме своей уехал, молча. Я не знаю, куда делся, и мне все равно, не мое дело.

А когда усталая и все еще чуть пьяная домой возвращаюсь, раз — на кнопку секретную нажала: жди дома через полчаса, чайник кипяти, плед грей. Ну как такси.

И он снова дома и снова рад.

И с подругой то же самое.

Вот она билеты в театр достала, вот юбку модную отдала — больше не влезает. А вот вдруг хочет мужа своего обсудить и эту его любовницу носатую, ради которой он семью бросил. И нету подруги. Исчезла. Когда повышение соберется обмывать в дорогом ресторане — снова появится, а пока нету.

И мама тоже. Сидит с внучатами, когда ты с мужем в ресторан идешь, цветы поливает, пока

ты в Риме. А вот решила покритиковать тебя — нужно меньше о работе думать и больше о семье, родительское собрание снова пропустила, у младшей сопли, а ты опять на море собралась... Ау, мама! Где ты? Не слышу тебя, только легкий морской бриз...

В век высоких технологий... Ё-мое, что, сложно, что ли?

Родители

Матрас провалился совсем. Лежишь на нем теперь, как в гамаке.

Мама сперва жаловалась, что дрянь матрашишко был изначально, да и прослужил всего двенадцать лет.

Но потом стала папе в глаза заглядывать и начинать издалека: мол, всю жизнь работали, работали, во всем себе отказывали. Помнишь, в перестройку есть было нечего. Я вот помню, как мечтала,— только деньги лишние появятся,

сразу себе сосисок куплю и йогурта. Почему-то ужасно йогурта хотелось, он тогда только-только появляться стал...

К папе нужно заходить издалека, чтобы он постепенно к переменам привыкал. Совсем идеально его, конечно, к мысли подтолкнуть, что покупку нового матраса он придумал сам.

Но мама уж очень издалека начала. А считать ее намеки — все эти слегка поднятые брови, немного опущенные уголки губ — папа так и не научился.

Поэтому просто кивал и говорил, что помнит, как было тяжело, но смутно. Он профессор физических наук, и ему все эти сосисочные трудности всегда до фени были. Он каждый день сталкивался с бесконечностью... а тут какой-то йогурт.

Тогда мама решила ва-банк пойти: неужели до пенсии дожили, а матраса нового не заслужили? На книжке деньги копят, инфляция их сжирает, все равно пропадут, а тут матрас будет.

Но папа хотел, чтобы его не трогали и оставили в покое там, где он лежит. Провалин он не замечал, пожимал плечами и говорил: «Да вроде же все так и было».